

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.7-17

УЧЕНИЯ О ПРАВОВЫХ ЗАКОНАХ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНАЛЬНО- ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

А.Р. Гильмуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье предпринята попытка теоретического осмысления противоречий и закономерностей развития представлений о правовых законах в российской доктринально-правовой мысли XIX в. Изучены труды таких исторических деятелей и мыслителей, как М.М. Сперанский, Н.М. Карамзин, П.И. Пестель, Н.М. Муравьев, К.А. Неволин, Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, С.А. Муромцев, в которых можно обнаружить теоретические подходы к решению сущностных проблем соотношения права и закона. Сделан вывод о том, что в изучаемый период были продолжены концептуальная проработка и осмысление содержательных критериев позитивного права с позиции либеральных (естественно-правовых) и этических убеждений, коррелирующих с духовными (христианскими) началами, что в определенной степени укрепило гуманистические и морально-нравственные основы отечественного правопонимания. Кроме того, проведенный анализ позволил установить преемственность и закономерную связь философско-правовых доктрин XVIII и XIX вв., а также подтвердить наличие общего (абстрактного, то есть до конца не осмысленного) мотивационного основания и логики развития правовых свобод человека.

Ключевые слова: правопонимание, правовой закон, правовая доктрина, естественное право, позитивное право, императив сохранения природы человека

Настоящее исследование является продолжением цикла научных работ, посвященных изучению закономерностей развития научных представлений о правовых законах в российской доктринально-правовой мысли. Так, в соответствии с ранее проведенным анализом воззрений отечественных мыслителей XVIII в. на правовые законы были выявлены их общие закономерности [1]. Кроме того, был сделан вывод о том, что представления о правовых законах, построенные на естественно-правовой традиции, являлись результатом разумного выбора свобод и ответственности и в целом могут считаться достижением отечественной правовой доктрины на пути к созданию правовых оснований, призванных обеспечить устойчивые процессы жизнедеятельности и развития каждого человека.

В рамках настоящего исследования продолжен анализ трудов и идей отечественных мыслителей XIX в., связанных с поисками объективного базиса

официальных установлений государства; определены преемственность и закономерные связи философско-правовых доктрин двух рассмотренных периодов; выявлены и сформулированы их общие фундаментальные основания и закономерности формирования и развития.

Так, к первой половине XIX в. не решенной в России проблемой оставались крепостное право и, следовательно, вытекающие из его сути произвол и социальное расслоение в обществе, которые сопровождались эксплуатацией крестьян-земледельцев со стороны привилегированного господствующего класса помещиков (дворянства и чиновников). Вследствие этого Российская империя существенно отставала от развитых стран Европы во многих сферах: экономике, промышленности (гражданской, военной), образовании, обеспечении прав человека, культуре, формировании гражданского общества и т. д.

В российской философско-правовой доктрине рассматриваемого периода, все больше вбиравшей в себя зарубежный опыт и постепенно переосмысливавшей отечественные научные достижения прошлых лет, постепенно начали появляться представления о необходимости активизации реформаторских процессов, связанных с кардинальными изменениями в государственном устройстве, институтах власти, правовой системе, что в конечном итоге привело, как отмечает О.Э. Лейст, к столкновению либеральных и охранительных (консервативных) идеологий в гуманитарной сфере, в том числе в видении проблем правопонимания [2, с. 399].

Как русский реформатор, законотворец, основоположник конституционализма и правового государства в России вошел в историю **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839), политико-правовые воззрения которого также касались вопросов содержания законов и их сущностных сторон.

Выстраивая теоретическую основу будущих реформ, М.М. Сперанский ссылаясь на западноевропейские философско-правовые представления об общественном договоре и естественном праве (Ш.Л. Монтескье, У. Блекстона, Ж.Ж. Руссо) и был твердо убежден в том, что несправедливость и произвол в обществе и государстве, являющиеся в целом результатом неэффективного государственного регулирования, можно нивелировать путем разумного нравственного законодательства, просвещения народа и власти [3, с. 85].

М.М. Сперанский различал законы государственные, призванные определять отношения частных лиц с государством, и гражданские, регулирующие отношения между лицами. При этом государственные законы разделялись на преходящие и коренные (неподвижные, конституционные), «с коими все другие законы должны быть сообразаемы» [4, с. 3]. Иными словами, принимаемые правовые акты не должны были противоречить конституционным (то есть коренным) законам, являющимся творением народа и содержащим положения об образе правления, государственного устройства и самодержавной воли.

М.М. Сперанский отмечает, что предметом всех законов должно быть формирование «отношения людей к общей безопасности лиц и имуществ» [5, с. 144]. При этом относительно существа законов реформатор указывает: «... законы без нравов не могут иметь полного действия...» [5, с. 81]; всякое право (в том числе и право самодержавное) должно исходить из правды как основы для права

(закона), являющейся проявлением божественной воли. Он также пишет: «Там, где кончится правда и где начинается неправда, кончится право и начинается самовластие» [6, с. 57]. Из изложенного следовало, что все законы государства должны были исходить из нравственных положений о правде, основанной на православном христианстве.

В духе охранительной идеологии, а также в качестве критика либеральных реформ М.М. Сперанского, направленных на изменение общественно-политического устройства Российской империи, выступал историк **Николай Михайлович Карамзин** (1766–1826). В основе философско-правовых идей ученого лежали убеждения о сохранении привилегий дворянства и недопустимости конституционного ограничения власти государя (в том числе и самим государем), находящегося, по его мнению, выше законов. Н.М. Карамзин считал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств [7, с. 91]. По убеждению историка, законы и учреждения складываются веками и, следовательно, власть должна сохранять их и не учреждать новых. Тем самым Н.М. Карамзин оправдывал крепостное право и указывал на то, что в «государственном общежитии право естественное уступает гражданскому» [7, с. 72].

В среде декабристов также выдвигались положения, связанные с содержательными критериями законов. В частности, **Павел Иванович Пестель** (1793–1826) в духе естественно-правовых учений высказывал общедемократические идеи о равенстве всех людей перед законом, свободе слова, совести и собраний, свободе промысла, а также о народном самоуправлении [8, с. 222]. В своем труде «Русская Правда» П.И. Пестель выделяет следующие виды законов: духовные (известные из Священного Писания), естественные (известные из законов природы и естественных нужд) и государственные, гражданские («государственные постановления» как способ достижения общего Благоденствия). При этом государственные (гражданские) законы, как отмечает П.И. Пестель, должны быть в согласии «с Законами Духовными и законами Естественными» [9], исходя из чего следовало, что духовные и естественные законы являлись основополагающими по отношению к законам гражданским (то есть позитивному праву) и их наличие в содержании последних выступало свидетельством справедливого (правового) характера закона.

Другой декабрист, **Никита Михайлович Муравьев** (1795–1843), также считал неприемлемой неограниченную власть самодержавия и настаивал на конституционной монархии, основанной на разделении власти, призванном не допустить нахождения всех прав у одной стороны, а всех обязанностей – у другой. Ссылаясь на философские воззрения как русских, так и западноевропейских авторов о принятии и содержании конституций, а также на убежденность в том, что русский народ как источник власти в значительной степени заслуживает законности и свободы [10], Н.М. Муравьев ратовал за отмену крепостного права и достижение равноправия между всеми жителями страны. Стоит отметить, что в его работах выражены взгляды философа на правовые принципы, выступающие олицетворением неотчуждаемых прав и свобод человека и являющиеся актуальными в наши дни, среди них: право на труд, свобода передвижения, свобо-

да деятельности организаций, презумпция невиновности, равенство всех перед законом, разделение ветвей власти, принятие законов простым большинством, доступность органов власти для граждан. Так, оппонируя Ш. Монтескье в вопросе о свободе, Н.М. Муравьев в духе Дж. Локка указывает: «Свобода заключается... в том, чтобы иметь законы, соответствующие неотчуждаемым правам человека» [11, с. 561–562], тем самым подтверждая необходимость соответствия законов государства естественно-правовым ценностям.

Одним из родоначальников отечественной философско-правовой школы и ее системной проработки выступал профессор **Константин Алексеевич Неволлин** (1806–1855). Важно отметить, что заслуги К.А. Неволлина перед российской юридической наукой, в том числе теорией и философией права, неоспоримы, и его исследования являются актуальными по сей день. Будучи глубоким знатоком немецкой классической философии права, ученый прекрасно знал труды таких мыслителей, как И. Фихте, Ф. Шеллинг, И. Кант, Г. Гегель, за что его нередко относили к сторонникам гегельянства. Среди целого ряда общественно-политических проблем, выступающих предметом философско-правовых исследований юриста, особое место занимали вопросы законотворчества и правопонимания.

В своем концептуальном труде под названием «Энциклопедия законоведения» (1840 г.) К.А. Неволлин рассматривает последнее как юридическую науку. Иными словами, по его мнению, предметом исследования законоведения и, следовательно, юриспруденции являются законы, которые делятся на две группы: естественные, или естественное право (разумные, вечные идеи законов, сформулированные исходя из познавательной деятельности и свободные от чьей-либо воли, то есть подлинное право), и положительные, или позитивное право (законодательство, принятое в государстве и имеющее общеобязательную силу) [12, с. 42]. При этом важно обратить внимание на то, что К.А. Неволлин, как и Г. Гегель, различал право и закон. Кроме того, ученый допускал возможность существования противоречий между ними, рассматривая естественное и позитивное право не как антитезу, а как неотделимые друг от друга и связанные со всеобщностью (как философско-правовая сущность – естественное право) и формой (как законодательное выражение – позитивный закон) явления [12, с. 42]. По логике К.А. Неволлина, в действительности ни одна из поименованных частей не может существовать отдельно от другой и без другой, то есть соединение всеобщности и формы выступает воплощением разумных, вечных идей законов в реальное эмпирическое состояние.

При этом содержание позитивного права, согласно К.А. Неволлину, зависит от различных особенностей, в частности от характера народа и уровня его развития, местности, круга рассматриваемых лиц и т. д. В отличие от естественно-правового подхода, мыслитель придерживался мнения о том, что человек приобретает нравственную свободу не с момента его рождения, а лишь с появлением государственной формы организации общества. Следовательно, именно государство дарует и способно обеспечить человеку нравственную свободу [12, с. 42].

Важные для отечественной научной мысли XIX–XX вв. поиски оснований для позитивного права были напрямую связаны с воззрениями отечественного философа, основателя русского конституционализма **Бориса Николаевича**

Чичерина (1828–1904), в работах которого особое внимание было уделено вопросам свободы личности.

В своем труде под названием «Философия права» (1900 г.) Б.Н. Чичерин раскрывает свое метафизическое и этическое видение содержания позитивного (положительного) законодательства, а также места и роли философии права в целом. Ученый представил подробный анализ исторических аспектов, связанных с развитием политико-правовых взглядов как западной, так и отечественной философской мысли, а также раскрыл свое, авторское понимание права. Ключевую роль в теории Б.Н. Чичерина играли представители немецкой классической философии, в особенности Г. Гегель, который, по мнению российского мыслителя, «выяснил и развил объективные начала человеческой жизни» [13, с. 228]. Согласно Б.Н. Чичерину, право – это «внешняя свобода человека, определяемая общим законом» [13, с. 84]. Философ выделяет субъективное и объективное право, где под первым понимается «законная свобода что-либо делать или требовать», а под последним – «закон, определяющий эту свободу» [13, с. 84].

Намекая на высокую значимость метафизики для юриспруденции, Б.Н. Чичерин указывал на то, что предметом юридической науки не должно являться только законодательство, поскольку позитивное право, так же как и природа, не является неизменным и вечным явлением. Содержание позитивного права, по мнению философа, подлежит анализу по причине того, что, являясь творением человека (и, соответственно, находясь в зависимости от его потребностей и взглядов), может выражать как хорошее, так и дурное содержание. По мысли Б.Н. Чичерина, в процессе правового регулирования было бы нелогично ссылаться на основополагающие начала, исходящие из того же самого позитивного права, а следовало бы обращаться к высшим соображениям (то есть к метафизике). По этой же причине негативно высказывался Б.Н. Чичерин и о возможности полагаться на «жизненную практику», указывая на ее неопределенность и хаотичность различных интересов и требований. Для рационального установления прав и обязанностей необходимо ответить на вопросы о том, «что такое право, где его источник и какие из него вытекают требования» [13, с. 2]. При этом ученый подчеркивал близость вопросов права и проблем человеческой личности, тем самым настаивая на необходимости глубокого и основательного изучения природы человека. Б.Н. Чичерин, по аналогии с римскими юристами, при разработке своей концепции придерживался позиции, согласно которой положительному праву противостоит право естественное, представляющее собой систему общих юридических норм, которые вытекают из человеческих (естественных) разумных начал, призванных «служить мерилom и руководством для положительного законодательства» [13, с. 94]. К разумным началам философ предлагает относить *правду* (справедливость), имеющую единый с *правом* корень. Правда (справедливость), согласно Б.Н. Чичерину, связана с высшим началом равенства, которое вытекает из самой человеческой природы (то есть естественного права) и является уравнивающей: «Справедливым считается то, что одинаково прилагается ко всем» [13, с. 96].

Отдельным пунктом в учении Б.Н. Чичерина выступает разделение права и нравственности, где под правом философ понимает формальную, принудитель-

ную справедливость (позитивное право), требующую равного воздаяния и регулирующую внешнюю свободу человека; а под нравственностью – «закон любви» [13, с. 173], предписывающий человеку жертвовать собой во имя ближнего и регулирующий внутреннюю свободу человека.

Следующим мыслителем, чьи философско-правовые воззрения также содержали идеи о правовой свободе и достоинстве личности, равенстве, связи права с нравственностью, правовой законности основ христианского государства, являлся философ **Владимир Сергеевич Соловьев** (1853–1900).

Рассматривая в рамках настоящего исследования исключительно вопросы, относящиеся к теории правовой законности, обусловленной различием или же сходством между правом как сущностной характеристикой и законом (позитивным правом) как эмпирической, властно-императивной характеристикой, остановимся на тех основаниях учения философа, предметом которых выступают философско-правовые аспекты сущности и содержания права и законов.

В своих диалектических рассуждениях мыслитель развивает идею о последовательном стремлении человечества к «свободному союзу лиц» [14, с. 524]. Согласно В.С. Соловьеву, духовно-исторический процесс шел в следующем направлении: изначально деятельность отдельного человека являлась частью деятельности целого народа (духовного организма), тогда как по мере дальнейшего развития на первое место стали выходить деятельность отдельного человека, его стремление к высвобождению из-под власти общества и самоутверждению. Реализацию аналогичного сценария В.С. Соловьев видит и в области права как необходимой формы человеческого общежития, где, по его мнению, право должно испытать влияние обособленной личности, вытекающей «из глубины родового духа» [14, с. 525]. Исходя из обозначенных позиций, философ формулирует свою сущность права, основанную на христианско-философском базисе.

В.С. Соловьев специально выделяет два основных источника права: стихийное творчество народного духа и свободную волю отдельных лиц [14, с. 529], которые, по его мнению, в историческом процессе правовых отношений часто видоизменяются, то есть являются непостоянными, зависящими от различных условий, и поэтому несколько не решают «вопрос о сущности самого права» [14, с. 530]. Таким образом, мыслитель подходит к вопросу о сущности права, его «образующей (формальной) причине». Согласно позиции философа, субъектом права является исключительно лицо (в том смысле, что вещи не могут быть субъектами прав), которое существует «как цель в себе и для себя» и обладает способностью сопротивляться, то есть лицо автономное и самостоятельное. Обладание обозначенными характеристиками образует основу права – свободу как признак личности. Однако в подобном случае наличие свободы является свидетельством обладания только исключительно внешним образом права как проявление фактической силы личности, но не самого права. Так, согласно позиции В.С. Соловьева, свобода (право, а не сила) каждого лица (субъекта прав) «зависит от признания равного права всех других» [14, с. 531]. Отсюда философ выводит свое определение права: право есть свобода, обусловленная равенством [14, с. 531]. Именно свобода является субстратом права (как противоположность насилию), а равенство – необходимой формой, указы-

вающей не только на утверждение своей свободы, но и на признание в качестве обязательной свободы других лиц.

Именно личность, свобода и равенство, согласно В.С. Соловьеву, являются неизменной сущностью естественного (рационального) права [14, с. 532]. Естественное право, по его мнению, есть не что иное, как общий разум, то есть всего лишь смысл всякого права, идеальное условие, а не что-то исторически предшествующее позитивному (положительному) праву. Но так как естественное право является общим разумом и в своей сущности состоит из свободы и равенства, то, следовательно, положительное право обязано признавать требования разума, то есть позитивное право должно исходить из права естественного. Только свобода как базис для человеческого существования и равенство как форма общественной организации, согласно В.С. Соловьеву, образуют правомерный порядок.

Естественное право (рациональный элемент) и позитивное право (положительный элемент) не рассматриваются В.С. Соловьевым как два раздельно существующих феномена: наоборот, по его мнению, рациональный и положительный элементы вместе образуют действительное право. При этом мыслитель отдельно рассматривает связь между правом и нравственностью по причине того, что такое «общее формальное определение права» (где основанием свободы является равенство) не является действительным содержанием юридических отношений, то есть самого равенства, и не обладает собственным качеством. Равенство, по его мнению, имеет слишком абстрактный характер, тем самым требуя более точного обозначения. Иными словами, «кривда, равно применяемая ко всем, не становится от этого правдой» [14, с. 535]. В своем системном философско-правовом учении В.С. Соловьев, указывая на «важную разницу» между правом и нравственностью, в конечном итоге приходит к выводу о том, что «право есть низший предел или определенный минимум нравственности», «право есть обеспеченное осуществление в действительности определенного минимального добра», а «прямое или косвенное принуждение допустимо»; все вышеперечисленное находит свое воплощение в еще одном его определении права: «...право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [14, с. 543]. Отдельно философ замечает, что задачей правового государства, правового закона (права) является вовсе не материальное уравнивание частных лиц, а рациональное равновесие между индивидуальной свободой и благом общества, являющихся чисто нравственными интересами.

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) являлся сторонником социологического подхода к праву [15, с. 5], противником превращения правоповедения в формально-догматическую дисциплину [16, с. 181]. В своем труде под названием «Определение и основное разделение права» (1879 г.) С.А. Муромцев в духе социологического позитивизма приводит новую для российской юридической науки теорию и методологию права, где под правом вместо позитивного права (юридических норм) предлагается понимать юридические отношения (правовой порядок) [15, с. 43] и где позитивное право выступает лишь атрибутом по отношению к правовому порядку, то есть правовой порядок не зависит от веления верховной власти, так как сама верховная власть не может формировать нормы абсолютно [16, с. 182].

Основой права, по мнению С.А. Муромцева, являются вовсе не законодательство (позитивное право), а интересы общественных союзов всех видов (семья, сословия, партии и т. д.) [15, с. 82], на основании которых возникают общественные отношения, могущие быть причиной санкций: моральных, юридических, а также обычаев и приличий. Под юридические санкции и так называемые правовые отношения, по мнению ученого, должны подпадать только те общественные отношения, которые являются недостаточно прочными и требующими дополнительных гарантий со стороны государства, то есть отношения, которые не соблюдаются исходя из приличий, нравственности, привычек, чувства долга и т. д. Таким образом, под правом ученый понимает защищенный порядок общественных отношений.

Допуская возможность несоответствия позитивного права существующему правовому порядку, С.А. Муромцев особое значение в исправлении этих противоречий придавал судебным органам: «В здоровой государственной жизни, отмечает он, суд творит так же, как законодатель, только при помощи иных приемов... Судья – законодатель, он проводник в жизнь тех начал, которые сознание общества объявляет справедливыми и естественными» [17, с. 258–259]. По мнению ученого, именно суд, а также другие правительственные органы, способны привести правовой порядок в соответствие со справедливостью и придать позитивному праву «живой» характер.

Таким образом, в начальный период золотого века отечественной философии права доминировали убеждения о необходимости перемен в политико-правовой жизни общества в пользу признания и расширения политических, социальных и экономических прав и признания равенства граждан. В частности, были продолжены концептуальная проработка и осмысление содержательных критериев позитивного права с позиции либеральных (естественно-правовых) и этических убеждений, коррелирующих с духовными (христианскими) началами, что в определенной степени укрепило гуманистические и морально-нравственные основы отечественного правопонимания. Индивидуальная свобода человека и равенство между людьми стали рассматриваться как ценности, в первую очередь направленные на достижение общего блага, безопасности и общественной пользы. В качестве характерной особенности отечественной философии права изучаемого периода можно отметить убежденность в том, что правовые законы должны были быть основаны либо на правде, которая понималась как эквивалент права и справедливости, либо на добре, для достижения которого и предполагалось создание права (как минимума добра).

При этом анализ трудов мыслителей рассматриваемого периода отечественной философии права с позиции метатеоретического уровня познания позволяет констатировать, что для человека как разумного, социального и деятельного существа было характерно избирательное регулирование общественных отношений (разумный отбор свобод и ответственности), основанное на постоянном концептуальном и системном изыскании, призванном определенным образом моделировать и организовывать свободу и ответственность человека. И в этом смысле отечественная философско-правовая мысль, базирующаяся на синтезе естественного права с христианскими канонами (морально-нравственными принципами), не являлась исключением.

В фундаментальном смысле проведенный анализ позволил установить преемственную и закономерную связь философско-правовых доктрин XVIII и XIX вв. и подтвердить наличие общего (абстрактного) мотивационного основания и логики развития правовых свобод человека – императива сохранения природы человека, выражающего требования по обеспечению устойчивых процессов жизнедеятельности и развития каждого индивида и реализуемого в условиях государственного регулирования общественных отношений [18, с. 164].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Гильмуллин А.Р. Закономерности развития представлений о правовых законах в российской доктринально-правовой мысли XVIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 4. С. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.7-17>.
2. История политических и правовых учений / Отв. ред. О.Э. Лейст. М.: Зерцало, 2006. 556 с.
3. Стрелецкий Я.И. Философия права в России // Общество и право. 2005. № 4 (10). С. 83–90.
4. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. VI, 359 с.
5. Сперанский М.М. Записка «О силе общего мнения» // Сперанский М.М. Проекты и записки / Подгот. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина; под ред. [и с предисл.] С.Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 244 с.
6. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Сочинение графа Сперанского. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. 171 с.
7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста и примеч. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 125 с.
8. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений XI–XX вв. М.: Юрист, 1995. 378 с.
9. Пестель П.И. Русская правда [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM, свободный.
10. Муравьев Н. М. Конституция [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/?ysclid=lp5djrmgvm581200738>, свободный.
11. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2004. 944 с.
12. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 399 с.
13. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
14. Соловьев В.С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 8. 722 с.
15. Зорькин В.Д. Муромцев. М.: Юрид. лит., 1979. 127 с.
16. Голиков А.К. Основы законности и защита прав и свобод личности в социально-философских и политико-правовых концепциях русских либералов конца XIX–начала XX века (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 16. С. 179–189.

17. Муромцев С.А. Право и справедливость. Северный Вестник. 1892. № 2, отд. 1. С. 251–260.
18. Гильмуллин А.Р. Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. № 1. С. 162–167. <https://doi.org/10.31857/S102694520024141-6>.

Поступила в редакцию 15.12.2023

Принята к публикации 15.02.2024

Гильмуллин Айнур Разифович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 7–17

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.7-17

Just Law Theories Developed by Prominent Representatives of Russian Doctrinal Legal Research in the 19th Century

A.R. Gilmullin

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

Received December 15, 2023; Accepted February 15, 2024

Abstract

This article theoretically examines some contradictions and major milestones in the development of the doctrines of just laws as laid out by prominent Russian scholars during the 19th century. It analyzes the problems surrounding different theoretical approaches and conceptions regarding the connection between justice and law through the works of M.M. Speransky, N.M. Karamzin, P.I. Pestel, N.M. Muravyov, K.A. Nevolin, B.N. Chicherin, V.S. Solovyov, and S.A. Muromtsev. The results obtained show that the period under study was marked by the elaboration of a conceptual framework and basic criteria of positive law from the perspectives of liberal (natural law) and ethical beliefs, which align with spiritual (Christian) principles. This strengthened the humanistic and moral foundations of Russian legal understanding. Additionally, a continuing and stable connection is revealed between the philosophical and legal doctrines of the 18th and 19th centuries, indicating the common (abstract, not fully comprehended) motivational grounds and logic in the establishment of legal freedoms.

Keywords: legal understanding, just law, legal doctrine, natural law, positive law, the imperative of preserving human nature

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Gilmullin A.R. Trends in the development of ideas about just laws in Russian legal doctrines of the 18th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 4, pp. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.7-17>. (In Russian)

2. Leist O.E. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Zertsalo, 2006. 556 p. (In Russian)
3. Streletskii Ya.I. Philosophy of law in Russia. *Obshchestvo i Pravo*, 2005, no. 4 (10), pp. 83–90. (In Russian)
4. Speransky M.M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo: (Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)* [A Plan for State Transformation by Count M.M. Speransky: (Introduction to the 1809 Code of State Laws)]. Moscow, Russ. Mysl', 1905. vi, 359 p. (In Russian)
5. Speransky M.M. A memoir “on the power of public opinion”. In: Speransky M.M. *Proekty i zapiski* [Projects and Memoirs]. Valk S.N. (Ed.). Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1961. 244 p. (In Russian)
6. Speransky M.M. A guide to learning the laws. In: *Sochinenie grafa Speranskogo* [An Essay by Count Speransky]. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otd. Sobstv. E. I. Vel. Kantselyarii, 1845. 171 p. (In Russian)
7. Karamzin N.M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskoi i grazhdanskoi otnosheniyakh* [A Memoir on Ancient and Modern Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow, Nauka, 1991. 125 p. (In Russian)
8. Isaev I.A., Zolotukhina N.M. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii XI–XX vv.* [The History of Political and Legal Doctrines from the 11th to the 20th Century]. Moscow, Yurist, 1995. 378 p. (In Russian)
9. Pestel P.I. Russian Truth. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM. (In Russian)
10. Muravyov N.M. Constitution. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/?ysclid=lp5djrmgvm581200738>. (In Russian)
11. Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Norma, 2004. 944 p. (In Russian)
12. Nevolin K.A. *Entsiklopediya zakonovedeniya* [Encyclopedia of Law]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1997. 399 p. (In Russian)
13. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Tipo-Lit. I.N. Kushnerev & Co., 1900. 337 p. (In Russian)
14. Solovyov V.S. *Sobranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Solov'eva* [Collected Writings of Vladimir Sergeevich Solovyov]. Vol. 8. St. Petersburg, Prosveshchenie, 1914. 722 p. (In Russian)
15. Zor'kin V.D. *Muromtsev* [Muromtsev]. Moscow, Yurid. Lit., 1979. 127 p. (In Russian)
16. Golikov A.K. The basics of law and the defense of human rights and civil liberties in the socio-philosophical and politico-legal concepts of Russian liberals from the late 19th to the early 20th century (S.A. Muromtsev, N.M. Korkunov). *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2006, no. 16, pp. 179–189. (In Russian)
17. Muromtsev S.A. Law and justice. *Severnyi Vestnik*, 1892, no. 2, sect. 1, pp. 251–260. (In Russian)
18. Gilmullin A.R. The hypothesis of reasonable equality in freedom: Basic provisions. *Gosudarstvo i Pravo*, 2023, no. 1, pp. 162–167. <https://doi.org/10.31857/S102694520024141-6>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Гильмуллин А.Р. Учения о правовых законах в трудах представителей российской доктринально-правовой мысли XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.7-17>. ⟩

⟨ **For citation:** Gilmullin A.R. Just law theories developed by prominent representatives of Russian doctrinal legal research in the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.7-17>. (In Russian) ⟩